

Литература

1. Адорно Т. Социология музыки. М., СПб. : Университетская книга, 1999 [электронный ресурс]. URL: <http://m-zerkalo.narod.ru/bibl/ adorno02.htm>.
2. Калашникова И.В. Музыка на телевидении как явление массовой культуры (о кинематографических приемах освоения музыкальной классики) // Массовая культура на рубеже веков. Сб. статей. М., СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2005.
3. Стодушный Е. Симфония – развлечение новых избранных. // Развлечение и искусство. Сборник статей под ред. Е.В. Дукова. СПб.: Алетейя, 2008.
4. Юрьев Д. Музыка вместо сумбура // Искусство кино. 2007. № 5 [электронный ресурс]. URL: <http://www.kinoart.ru/magazine/05-2007/comment/jur0705>.

*Золоткова Ю.В.,
УрГУ, г. Екатеринбург*

«БЫТИЙНЫЙ» ТИП КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА *(на примере творчества Э. Монтале и И. Бродского)*

Культурным диалогом занимались в XX в многие мыслители, такие, как В. Библер в работе «От наукоучения к логике культуры»; Ю. Лотман в работе «Семиосфера»; М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского» и др. Культурный диалог рассматривается в этих работах в различных аспектах: так, В. Библер мыслит культурный диалог в парадигме «автор-читатель» и «автор-автор», как диалог, осуществляемый через произведение. Причем общающиеся авторы могут вступать в диалог друг с другом через века и расстояния. Общение авторов через произведение В. Библер понимает и как форму самодетерминации культуры. Ю. Лотман разводит понятия «культурного диалога» и «диалога культур». В «культурном диалоге» взаимовлияние происходит между двумя авторами и между отдельными произведениями. А в случае «диалога культур» речь идет о взаимодействии целых направлений в культуре, целых

культурных парадигм. Ю. Лотман исследует также механизм диалога, в котором неизбежно должны быть точки соприкосновения и точки расхождения участников культурного диалога. М. Бахтин исследует произведения Ф. Достоевского как полифонический культурный феномен. Культурный диалог у Ф. Достоевского, с точки зрения М. Бахтина, происходит как диалог идей внутри художественного произведения.

В данной статье мы рассмотрим тип культурного диалога, который обозначаем как «бытийный», или творческий. Этот вид диалога мы исследуем на примере сравнительного анализа поэтического творчества И. Бродского и Э. Монтале.

«Бытийный» диалог возникает в парадигме «автор – автор» (по В. Библеру). Определение «бытийный» применено в связи с тем, что в процессе такого диалога как бы обсуждается какой-нибудь «вечный», «бытийный» вопрос, или по-своему трактуется каждым автором какой-нибудь «вечный» образ. В ходе такого диалога может создаваться новый образ, пришедший из настоящего времени, в котором может отражаться вся суть бытия, так, как она понимается автором на данный момент времени. В таком творческом диалоге отражаются судьбы личностей – творцов и рассматриваются разные грани диалога между разными видами искусства, между эпохами, между идеями на уровне предельных и насущных вопросов бытия. «Бытийный» диалог не подразумевает непосредственное общение между участниками диалога. Это скорее «опосредованный» культурой диалог на расстоянии во времени, который выходит на уровень вечных вопросов человеческого бытия. Так, по мнению В. Библера, со «своей точки зрения» прочитал Овидия П. Пикассо (1; 254). Думается, что подобную аналогию можно провести и между текстом «Евангелия» и романом «Мастер и Маргарита» М. Булгакова.

Такой диалог пронизывает всю историю культуры. Многие идеи, образы одного времени развиваются и интерпретируются творцами другого времени. И тогда может произойти не симбиоз культур, как например, это происходит в постмодернизме, а органичный творческий диалог. В каждую эпоху переосмысляются и трактуются такие «вечные» понятия, как любовь, рождение, жизнь, смерть. Каждая эпоха дает свое прочте-

ние евангельских сюжетов, решает вопрос о смысле жизни, определяет силу власти и денег, дает свою оценку войны и смерти, того, что есть судьба, путь, призвание.

Именно такой вид культурного диалога – «бытийный» – мы можем обнаружить при сравнительном анализе творчества двух великих поэтов XX в.: итальянского поэта Э. Монтале (1896 – 1981) и русского поэта И. Бродского (1940 – 1996), это диалог в парадигме «автор-автор», который ведется на уровне символов и образов, и на уровне судебных, предельных вопросов бытия. Нами не случайно выбраны два этих поэта, двух разных стран: России и Италии. Они стали символами своей эпохи и были оценены своими современниками по достоинству, получив в свое время Нобелевские премии по литературе. Подобная парадигма закономерна также и в связи с тем, что И. Бродский очень любил поэзию Э. Монтале. Поэт упоминал о Э. Монтале в своей Нобелевской лекции и написал о нем интересное аналитическое эссе, которое было предисловием к английским переводам книги Э. Монтале «Новые стихи».

Сближает И. Бродского и Э. Монтале и то, что оба автора поднимали в своем творчестве «бытийные» вопросы, касающиеся проблемы жизни и смерти. Они оба рассматривали образ «шествия» как некий постоянно повторяющийся в жизни момент, когда воспроизводятся одни и те же персонажи, которые обоих поэтов уже как личности не волнуют. Оба поэта от мотива «шествия» в своих стихах пришли к мотиву «дороги», как мотиву своего внутреннего и внешнего движения и развития. Мы обнаруживаем, что здесь имел место зеркальный диалог: отражение творчества одного поэта в зеркале культуры и творчества другого автора. Вероятно, о таком культурном диалоге писал И. Бродский в своем эссе о Э. Монтале. «...стилистически Монтале не обязан никому или всем, от кого он отталкивается в своих стихах, ибо полемика – одна из форм наследования» (2; 61).

Трагическое мироощущение обоих поэтов было обусловлено фактами и событиями их биографии и творческой судьбы.

Э. Монтале, в юности почувствовав однообразность и повторяемость происходящих вокруг событий, их банальность и вопреки желанию отца, который мог сделать ему «белый билет», уходит на фронт Первой мировой войны. Он задается во-

просами смысла и подлинности жизни. Не тогда ли он впервые заглянул в лицо смерти и понял, что такое жизнь?

Когда человек соприкасается со смертью, то он начинает больше ценить свою жизнь и чувствовать, что она не вечна. Именно тогда человек начинает ценить каждое мгновение своего бытия и стремится прожить его наполненно. Ведь что за границей смерти – неясно. И человек начинает бороться со смертью, отводя у небытия каждое мгновение.

Э. Монтале уходит на войну. Уезжает из Генуи. Теперь он ищет «свое» время и «свое» пространство и старается наполнить смыслом каждое мгновение. Тема отношения смерти и жизни будет периодически всплывать в его творчестве, а к концу жизни станет постоянной (сам Э. Монтале умрет в глубокой старости, «отвоевав» у смерти 84 года).

Схожая в «бытийном» отношении была судьба и у И. Бродского. Он тоже рано почувствовал фальшь окружающей его жизни. Об этом он начал писать в своих стихах 1960-х годов (к ним принадлежала и поэма «Шествие»), тогда же его сослали в Архангельскую область. Именно тогда он понял что истинно, а что ложно в его жизни и почувствовал необходимость собственной «бытийной» дороги. Можно сказать, что поэты некоторым сходством своих судеб уже вступали в некий творческий диалог. Происходил такой диалог между ними и на уровне идей и символов.

Рассмотрим этот «бытийный» диалог между поэтами в его «символично-семантическом» аспекте на примере образа-символа «шествия», переходящего в образ-символ «дороги», типичный, как отмечалось, для творчества обоих авторов.

Как известно, образ «шествия» достаточно распространен в культуре. «Шествиями» можно назвать и карнавалы эпохи Средневековья и Возрождения, в которых переворачивались понятия «верха» и «низа», обыгрывались любовные ситуации, в которых обсмеивалась и как будто бы побеждалась смерть. Своеобразным «шествием» было и путешествие на тот свет у А. Данте в «Божественной комедии» и другие произведения. У Э. Монтале мотив карнавального «шествия» мы находим в стихотворении «Стихи для Камилло Сбарбаро» (8; 9). В нем Э. Монтале раскрывает два мира окружающей его реальности. С одной стороны – это уют-

ный, «пестрый» и «мерцающий» мир, мир его литературных друзей, сидящих за столиком в кафе, причем, этот мир только оживаемый у Эудженио. И другой мир, мир за стеклом кафе, мир детской толпы на улице, воспринимаемый Э. Монтале, как фальшивое музыкальное карнавальное шествие. Предлагаем наш перевод этого стихотворения Э. Монтале:

В рождественскую ночь сидел я
в кафе блистающем, скучая,
над хрупкой чашкой колыхался
воспоминаний аромат.
Снаружи блеск огней трепещет,
здесь профили красавиц в сером,
среди мерцаний бриллиантов
и пестроты шелков...
Сирены
на наших старых побережьях!
И только нет тебя, Камилло,
мой друг, знаток любви и дрожи.

А шум на улице тревожит
воспоминаньем о прошлом.
Там шествовал оркестр детей:
тромбоны резко скрежетали,
тарелки прыскали охрипши
беспечных музыка играла.
Там гномов веселился мир:
тележки мулов грохотали,
барашки из папье-маше
вопили криками мальчишек.
Их шпаги радостно сверкали.
Там проходили Генералы
покачивая киверами
и упоительно сжимая
из миндаля свои кинжалы.
Солдаты с мокрыми носами
неся звенящие жестянки
томили, мучили, дразня.
Скучнее звуки год от года.
Зовет ручей, смущая душу.
(Я слушаю необычайное)

Все это шествие умчалось
овечьим табуном на воле,
напуганным апрельским громом,
на свой зеленый луг, который
для нас не зеленеет боле (8; 9).

Э. Монтале от созерцания этого детского «шествия» приходит к мотиву «дороги» и этот мотив «дороги» у него развивается не столько, как пространственная дорога, сколько и как временная дорога, как дорога его жизни. Поэт замирает – застывает в одном месте, – за столиком кафе и рефлексировует. Этот момент он проживает полно и концентрированно – насыщенно. Этот момент и есть для Э. Монтале – «свой» момент, когда он отстраненно осмысляет то, что с ним происходит. В этом мгновении – точке – творческом мгновении – процессе для поэта Эудженио Монтале соединяется прошлое в настоящем и намечается будущее. Видимо, Э. Монтале очень любил эти точки «зависания», эту «внутреннюю дорогу». Так, в стихотворении «Колодца колесо скрипит сильнее» мотив «дороги» у Э. Монтале приобретает временные черты.

Колодца колесо скрипит сильнее
на свет вода является и с нею
в ведре наполненном дрожит воспоминанье,
смеется в чистом круге отраженье.
Лицо я приближаю, тают губы,
былое искажается, стареет,
принадлежит совсем, совсем иному.
Как колесо скрипит, не умолкает! –
ко дну зловещему несет нас призрак
и только расстояние разделяет (7; 48).

«Колодец» воспринимается как окно во времени, как «дорога». В круге воды автор видит себя и в прошлом, видимо, маленьким мальчиком, и в настоящем – молодым человеком, видит он себя и в будущем, уже стариком и, даже, за чертой смерти. Вся жизнь мелькает перед ним. Призрак смерти показался в ведре и ведро летит на дно колодца, потому что ее время еще не пришло. А расстояние, временное разделяет. Колодец и ведро с

водой в нем являются символами жизни реальной и другой жизни – вечной, в посмертной славе делающей человека бессмертным, если он этого заслуживает. Этот образ – символ остановки во времени, абсолютного нуля, точки отсчета.

Перекликается с «шествием» Э. Монтале и мотив «шествия» И. Бродского в поэме-мистерии «Шествие». У И. Бродского это «Шествие» не столько временное, сколько пространственное. Созерцание «шествия» советских демонстраций приводит И. Бродского к «дороге», но в отличие от Э. Монтале, не временной, музыкальной, зависающей в одной точке, а пространственной, разворачивающейся как прозаическое произведение. Может быть, в этом кроется одно из отличий итальянской культуры от русской? Итальянская культура более живописна, зрима, поэтому и в стихотворении Э. Монтале больше ярких образов, штрихов и деталей, присущих живописному символизму. Акценты и жесты вызывают в нем ассоциации с музыкой. Русская культура более философична. Поэтому и у И. Бродского ощутимо больше философских смыслов и подтекстов.

Вот Арлекин толкает свой возок,
и каплет пот на уличный песок,
и Коломбина машет из возка.
А вот Скрипач, в руках его тоска
и несколько монет. Таков скрипач.
А рядом с ним вышагивает Плач,
плач комнаты и улицы в пальто,
блестящих проносящихся авто,
плач всех людей. А рядом с ним Поэт,
давно не брит и кое-как одет
и голоден, его колотит дрожь.
А меж домами льется серый дождь,
свисают с подоконника цветы,
а там, внизу, вышагиваешь ты... (3; 80).

Поэма И. Бродского «Шествие» напоминает длинную ленинградскую улицу или канал. Она развертывается, напоминая путешествие Данте и Вергилия по кругам ада, чистилища и рая. В нем словно шествуют обобщенные образы – персонажи, типичные жители Ленинграда, жившие и живущие в этом городе,

и, возможно те, которые будут жить в нем в будущем. Эти персонажи типичны, как персонажи классических произведений, поэтому у И. Бродского и появляется чувство отторжения и скуки от их повторяемости, поэтому он и рвется куда-то еще уехать. («Гони меня, мое повествование, / подальше от рабства или власти / куда-нибудь – с развалин упования / на будущие искренние страсти») (3; 122).

У Э. Монтале мотив дороги не столько пространственный, сколько временной, вот поэтому произведения этих авторов различаются по решению в них образа пространства и времени. Если у И. Бродского время разворачивается, как река, и уходит в пространственную перспективу («Шествие»), то у Э. Монтале время застывает в одной точке, герой как бы проживает всю полноту жизни в одном мгновении («Колодца колесо...»). В творчестве, однако, многое сближает образность этих поэтов, что проявляется в том поиске, который они ведут, в тех смыслах, которые они вкладывают в литературное произведение, «безнадёжно семантическое», как высказался Э. Монтале (2; 52). На это же указал и Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции: «Если музыкальное произведение еще оставляет человеку возможность выбора между пассивной ролью слушателя и активной – исполнителя, произведение литературы – искусства, по выражению Э. Монтале, безнадёжно семантического – обрекает его на роль только исполнителя» (3; 10).

Совпадения мотивов «шествия» у И. Бродского и Э. Монтале в «семантическом» аспекте выражаются и в том, что оба поэта критически осмысливают наблюдаемые ими «шествия». Оба они отделяют себя от мира шествующих людей. У обоих поэтов мотив «шествия» повлек за собой появления ощущения необходимости собственной «дороги». Оба поэта, в годы создания своих произведений еще достаточно молодые люди, пережили трагические события, которые заставили их заглянуть в лицо смерти и переосмыслить свое отношение к жизни. Не этот ли момент для обоих стал сущностно важным. По определению экзистенциалистов, существование предшествует сущности. Когда человек начинает ощущать себя личностью, пережив какое-то особое событие в своей жизни, и поведя в нем себя определенным образом, только тогда его жизнь из существования ста-

новится сущностью. Сущность жизни и является точкой отсчета бытия личности. Такими сущностными событиями стали для Э. Монтале – Первая мировая война, участие в боевых действиях. Для И. Бродского написание и публикация некоторых стихов, за которыми последовали арест и ссылка в Архангельскую область. Оба вынуждены были уехать из своих родных мест. Э. Монтале из Генуи (1927), И. Бродский из Ленинграда (1972). Но с этого момента существование их стало еще более осмысленно, и культурно и «бытийно», они стали жить и писать по-другому, их творчество приобрело значимость и весомость, поскольку было подкреплено событиями собственной судьбы.

И. Бродский, и Э. Монтале решают для себя вечные вопросы истинности и ложности бытия, жизни, смерти и бессмертия. Для И. Бродского «смертью» являются неискренние страсти и неистинное проживание. Для него «смерть» есть не только физическое небытие, но и ложность происходящего. В своей поэме он выводит типичные для всех времен образы людей, которых он считает ходульными – мертвыми. И. Бродский предполагает, что в жизни выше этих воспроизводящихся образов людей есть язык и ценности культуры, которые придают смысл человеческой жизни. Для Э. Монтале карнавальное детское шествие тоже не является истинной жизнью. Он решает для себя вопрос о неотвратимости смерти, но ценностью жизни считает осмысленное проживание каждого мгновения. Наличие смерти как итога жизни делает ценной для Э. Монтале саму жизнь. Для обоих поэтов только «дорога», творческая дорога, как победа над смертью, обладает смыслом. Это «дорога», в которой они открывают для себя истинную жизнь, проживают ее и запечатлевают ее в культуре. Через культуру поэты И. Бродский и Э. Монтале продлевают свою жизнь, говорят свое слово этому миру, становятся бессмертными. Таков, на наш взгляд, смысловой итог «бытийного» культурного диалога между этими великими мастерами поэтического слова.

Литература

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М. Изд-во полит. лит., 1991.

2. Бродский И. Письмо Горацию. М., 1998.
3. Бродский И. Сочинения. Т 1. СПб., 1997.
4. Девятова О. Культурное бытие композитора Сергея Слонимского. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2000.
5. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
6. Мандельштам О. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.
7. Montale E. Tutte le poesie. Milano, 1984.
8. Montale E. Poesie scelte. Milano, 1987.
9. Сумерки богов / Сост., общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989.